

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

К проблеме интерпретации понятия *phantasia* (историко-философский анализ).

Зеленский Олег Александрович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский факультет, Москва, Россия
E-mail: rabgroup87@mail.ru

Понятие *phantasia*, являющееся одним из самых неоднозначных в античной философии, было не без основания названо в одной из статей «кошмаром переводчика» [Staden H.von, 1978, p.127]. Действительно, мы обнаруживаем существенные смысловые расхождения в употреблении этого понятия Платоном, Аристотелем и философами эллинистических школ.

Хотя у Платона сам термин *phantasia* встречается не очень часто, общую тенденцию можно проследить достаточно ясно: *phantasia* тесно связана с глаголом «казаться» (*phainesthai*). В 10 книге «Государства» [602c-603b] *phainesthai* предполагает суждение о вещах, которое является обманчивым и порождает мнение. Определение понятия *phantasia*, исходящее из такой интерпретации *phainesthai*, мы находим в «Софисте» [264a-264b]. Когда мнение (*doxa*) возникает не самостоятельно, но посредством ощущения, то это состояние души можно назвать «кажимостью» (*phantasia*). Соответственно, когда мы говорим, что нечто кажется (*phainetai*) нам, мы подразумеваем смешение ощущения и мнения (*symmeixis aisthēseōs kai doxēs*).

Это определение, наряду с другими, критиковал в своем трактате “О душе” Аристотель. Аргументы, представленные в *De An.*3,3, пытаются показать, какие специфические черты имеет *phantasia* по сравнению с вынесением суждения (*hypolēpsis*), ощущением (*aisthēsis*), знанием (*epistēmē*) и мнением (*doxa*). Аристотель обращает внимание на то, что *phantasia* присуща многим животным, в то время как способность формировать мнения им не присуща. Мнение тесно связано с уверенностью (*pistis*), которая появляется в результате убеждения и требует участия способности рассуждения (*logos*) [De An.3,3 428a 18-24]. Но одного этого аргумента для критики платоновского определения недостаточно: в “Софисте” *phantasia* рассматривается по отношению к человеку, а не низшим животным. Поэтому Аристотель приводит новый аргумент, отмечающий возможность несоответствия между собой мнения и чувственного восприятия [428b 2-9]: Солнце воспринимается нашими органами чувств как маленькое тело, в то время как мы убеждены, что оно огромно, и если *phantasia* является смешением мнения и чувственного восприятия, то она оказывается противоречивой. Но и эта критика не перечеркивает платоновского определения: мнение о том, что Солнце огромно, возникает не на основе чувств, а независимо от них, а потому несоотносимо с платоновской кажимостью.

Подход Аристотеля существенно отличается не только от платоновского, но и от взглядов эллинистических школ. Последующие философы не согласились с утверждением, что *phantasia* находится в нашей власти [427b 18]; кроме того, *phantasia* для Аристотеля – это не фундамент нашего познания, и ей менее всего подходит роль критерия,

поскольку она очень часто ошибочно представляет свой объект [428a 12]. Но при внимательном изучении можно найти и общие черты. В чем-то сохраняется связь с Платоном: *phantasia* – то, благодаря чему в нас возникают *phantasmata* [ср. 428a 1-2] (выбор последнего термина не случаен и подчеркивает возможную негативную роль, которую *phantasia* может играть в процессе познания, что отмечал и Платон); не теряется связь *aisthēsis* – *phantasia* (для Аристотеля *phantasia* не может возникнуть без ощущения); даже различие между *dokein* и *phainesthai* выдерживается далеко не во всех контекстах. С взглядами эллинистических школ роднит то, что *phantasia* выполняет роль не суждения, а репрезентации. В зависимости от контекста, *phantasia* в *De An.* может быть переведена и как “воображение” (если имеется в виду способность души), и как “представление” (если подразумевается результат деятельности этой способности).

У Эпикура и эпикурейцев *phantasia* и *aisthēsis* получают взаимозаменяемый характер [ср. SE M 7,203 сл., 8,63; Ep. Hrdt.50], причем они трактуются как полностью очищенные от суждения. То, что *phantasia* оказывается синонимом некоторого “чистого опыта”, было немыслимо как для Платона, так и для Аристотеля, и эта метаморфоза указывает на неустоявшийся на тот момент характер понятия.

Трудно найти однозначный и верный во всех контекстах перевод *phantasia* в стоической гносеологии. Мы больше склоняемся к переводу “впечатление”, хотя с ним также связаны определенные трудности (например, в DL 7,51 говорится о том, что стоики выделяли нечувственные *phantasiai*, тогда как в русском языке впечатления предполагают непосредственную связь с чувственностью). При этом «впечатление» может быть оправдано рядом свидетельств.

1) *Phantasia* сравнивается с отпечатком. Одно из ее определений - *typōsis en psychē* [DL 7,46 = SVF 2,53; SE M 7,236 = SVF 1,58; см. также SVF 2,461]. Образ отпечатка появляется также в определении каталептического впечатления [*enapēsphragismenē kai enaromemagmenē* в DL 7,46; ср. SE M 7,248]. Обратимся также к Цицерону: *tale visum... impressum effectumque ex eo, unde esset, quale esse non posset ex eo unde non esset* [Luc.18]; *ex eo quod esset, sicut esset, impressum et signatum et effectum* [Luc.77].

2) В ряде контекстов стоическая *phantasia* имеет преимущественно пассивный смысл. *Phantasia* = *pathos en tē psychē gignomenon* (SVF 2,54) и *peisis* (SE M 7,237). В известном сравнении познания с образом руки [Luc.144-145] *visum* уподобляется открытой ладони, в отличие от согласия, каталепсиса и знания и мудреца.

Значительные расхождения в употреблении термина *phantasia* были вызваны множеством причин: неоднозначностью самого глагола *phainesthai*, различием точек зрения на роль чувственного опыта, с которым *phantasia* была тесно связана, постепенным разведением функций репрезентации и суждения. Однако развитие этого понятия не следует себе представлять как несколько мало связанных между собой этапов, но как процесс, в котором сохранялись черты общности и преемственности.

Литература

1. Barney R., 1992, ‘Appearances and Impressions; Phronesis 37, p. 283-313.
2. Polansky R., 2007, *Äristotles De Anima*; Cambridge.
3. Staden H. von, 1978, *The Stoic Theory of Perception and its Platonic Critics*; in P. Machamer and R. Turnbull (eds.), *Studies in Perception*, Columbus Ohio.